ИНТЕРВЬЮ 19.09.2024

«Иранское общество далеко впереди действующего законодательства»

Иранская защитница прав женщин Суссан Тахмасеби рассказывает, как изменилось общество через два года после смерти Махсы Амини

Интервью провела Ханна Фосс

В этот самый день два года назад 22-летняя иранская курдка Джина Махса Амини умерла после ареста полицией морали, что вызвало одни из крупнейших протестов со времени основания Исламской Республики в 1979 году. Несмотря на жестокое подавление силами безопасности, движение *Woman Life Freedom* заметно отразилось на жизни страны. Какие конкретные изменения можно увидеть спустя два года после его возникновения?

Следует отметить, что протесты Woman Life Freedom были самыми крупными и первыми длительными общенациональными протестами с сильным акцентом на правах женщин. В прошлые десятилетия в Иране можно было увидеть демонстрации в поддержку женщин, но таких масштабных никогда не было. Эти протесты продемонстрировали уровень осведомленности иранцев о правах женщин, особенно их телесной автономии и неприкосновенности. Протестующие изначально сосредоточились главным образом на правах женщин, но скоро начали требовать гораздо более широких фундаментальных прав и свобод. Мы увидели, что обычные люди готовы бороться за изменения.

Что касается обязательного ношения хиджаба, которое было одним из главных вопросов протестов: есть заметные изменения в урбанистических ландшафтах иранских городов. Женщины возвращают себе телесную автономию, просто решая не носить платки. Это до сих пор запрещено законом, но они все равно так делают – на улицах, в торговых центрах, в автомобилях. Они сильно рискуют, но стремятся реализовать только что обретенную

свободу и самоопределение своего тела. В сельской местности женщины также пренебрегают красными линиями, которые для них рисует правительство, а также их культура и традиции. Они одеваются более свободно и чаще обсуждают свое право на телесную автономию в семьях и других социальных средах.

Достигло ли движение чего-то на структурном уровне, в плане законодательства? Или женщинам до сих пор грозит тюремное заключение или что-то хуже, если они не соблюдают правила ношения хиджаба?

Да, и я не вижу разницы между тем, что написано на бумаге, и тем, что навязывается в реальности. Дискриминация женщин встроена в иранское законодательство. Одно из проявлений этого – обязательное ношение хиджаба и насильственное принуждение к нему в общественных местах. Когда женщины сопротивляются, они делают это наиболее видимым из возможных способов, через свое тело, и платят за это высокую цену. К сожалению, Амини была не последней женщиной, подвергшейся насилию из-за хиджаба. Были и другие случаи, подобные случаю Амини, когда женщин арестовывали и жестоко избивали, были и другие забитые до смерти.

Новый законопроект «о хиджабе и девственности» еще не стал законом, но многие из его пунктов уже внедряют. Женщины, нарушающие обязательный в стране дресс-код, сталкиваются с постоянным давлением, штрафами, арестами. Владельцев магазинов, таксистов, предприятия и работодателей также штрафуют, если они обслуживают женщин, которые не соблюдают правила ношения хиджаба. Автомобили, которые перевозят женщин без хиджаба, регулярно забирают на штрафстоянки за нарушение правил.

Означает ли это, что появление движения *Woman Life Freedom* случайно привело к еще более жестким мерам, то есть к шагу назад?

Это то, чего женщины, особенно в Иране, должны всегда бояться: что их действия спровоцируют более жесткую реакцию. Такое происходит во многих местах в мире, когда женщины требуют больше прав.

Несмотря на все большее давление, женщины продолжают раздвигать границы, настаивая на выполнении своих требований и сопротивляясь. До появления движения *Woman, Life, Freedom* дискуссия между чиновниками о хиджабе ограничивалась неправильными, «плохими» хиджабами. Теперь, когда многие

женщины появляются на публике одетыми так, как они хотят, и без хиджабов, политический и социальный дискурс тоже изменился, чтобы зафиксировать этот сдвиг.

Если говорить о политике: чего ждать от нового правительства во главе с президентом Масудом Пезешкианом в вопросе прав женщин?

Одно из достижений движения *Woman, Life, Freedom* – выход интересов женщин, а также этнических меньшинств, на передний план в иранском обществе. О правах женщин, как правило, упоминают во время избирательных кампаний, но всегда вскользь. Этот раз не стал исключением. Несмотря на акцент на правах женщин, до сих пор непонятно, что именно Пезешкиан будет делать на посту. Единственное, что понятно на данный момент: он хочет облегчить иранцам жизнь, начав переговоры о снятии санкций. Экономическое улучшение положительно повлияет на жизнь женщин, но само по себе не гарантирует свободы от дискриминации. Этот вопрос может дать правительствам и ООН возможность усилить и подчеркнуть многолетние требования иранских женщин, направленные на обеспечение равенства.

Но ведь такой результат, безусловно, лучше, чем если бы во втором туре победил радикально настроенный Саид Джалили?

Явка в первом туре выборов была крайне низкая; таким образом иранцы сигнализировали чиновникам о своем недовольстве статус-кво. Участие во втором туре выборов было больше, но все равно чрезвычайно низким. Многие мои знакомые, которые проголосовали за Пезешкиана во втором туре, сделали это, чтобы не допустить победы радикала Джалили, поскольку боялись, что его победа еще более негативно повлияет на их повседневную жизнь. Иранские женщины десятилетиями пытаются предотвращать ограничение своих прав, закреплять успехи и добиваться расширения прав. Решение об участии в выборах следует рассматривать и анализировать именно в этом контексте.

Если бы Пезешкиан действительно хотел помочь женщинам, то должен был бы принять меры для прекращения давней и системной дискриминации женщин, которая отнюдь не сводится к обязательному ношению хиджаба, а посягает на все аспекты жизни женщин. Иранские женщины собственными усилиями серьезно улучшили свое социальное положение, несмотря на дискриминацию. Но очевидно, что статус-кво для них уже неприемлем.

Что можно сказать в связи с этим об иранском обществе во всех его проявлениях, таких как город и деревня, различные классы, а также этнические и религиозные меньшинства?

Это свидетельствует о том, что иранское общество, то есть его социальные нормы и культура, далеко впереди действующего законодательства. Разница была очевидна во время протестов, которые происходили также в небольших городах и в деревнях, хотя эти места более консервативны, традиционны и религиозны. В идеале законы должны определять настроения общества, особенно в вопросах прав женщин и дискриминации, но в Иране все наоборот.

Как это влияет на гражданское общество, которое видело, как тысячи людей вышли на улицы после смерти Амини?

Здесь тоже есть проблема. У нас невероятно активные, прогрессивные люди – как общественные деятели, так и обычные граждане, в частности очень мощное движение за права женщин. Но это все существует в чрезвычайно закрытом обществе. Нет мест для организации и развития, все происходит тайно, в узких, децентрализованных кругах. С одной стороны, это позволило движению *Woman, Life, Freedom* проводить массовые собрания, которые трудно контролировать государственному аппарату, с другой – это препятствует устойчивому движению и созданию инфраструктуры и организационных элементов. Нет свободных, безопасных мест для такой социальной и политической работы.

Амини была иранской курдкой, а этнические и религиозные меньшинства в Иране часто подвергаются особенно жестокому насилию. Усилилось ли оно за два прошедших года?

Да. Как известно, в курдских и белуджских районах были наиболее длительные и массовые протесты после смерти Амини. Соответственно, курды и белуджи больше всего пострадали во время протестов. Около 50 процентов погибших во время протестов были представителями одной из этих двух общин. Количество арестов в этих общинах тоже было велико. Эти общины продолжают подвергаться различным формам дискриминации со стороны государства и огромному давлению. Даже сейчас, накануне второй годовщины, происходят репрессии против тех, кто осмеливается поднимать голову, организовываться, пытается сохранить память о протестах или проводить памятные мероприятия. В первую очередь это касается курдской и белуджской общин.

За два прошедших года мы также заметили значительный рост

количества казней курдов и белуджей. Шарифэ Мохаммади и Пехшан Азизи – две активистки из этнических меньшинств, приговоренные к смертной казни. Этим общинам постоянно посылают подобные сигналы, чтобы предотвратить дальнейшие протесты и инакомыслие. Именно этим, потому что движение *Woman, Life, Freedom*, по сути, выросло из движения за права курдских женщин.

Какова роль иранской диаспоры в борьбе?

Диаспора может играть важную роль, но на практике было немало неудачных попыток – коалиций, которые быстро распадались. Это подтверждает, что изменения должны в конце концов произойти в самом Иране. Международное сообщество, включая иранцев в эмиграции, может и должно поддерживать тех, кто внутри страны, но не следует забывать, что главные деятели и творцы изменений, собственно, внутри страны.

Что именно должно делать международное сообщество?

Международное сообщество должно быть последовательным в соблюдении прав человека, требовать от всех правительств уважения к правам граждан и привлекать к ответственности всех нарушителей в равной степени. Без такой последовательности оно рискует потерять доверие к себе как защитнику прав человека. Международное сообщество, в частности ООН, должно оказать давление на Иран, чтобы он отказался от казней, прежде всего казни Мохаммади и Азизи. Надо использовать любую переговорную площадку для упоминаний об этих случаях и большом количестве казней в целом, а также добиваться освобождения заключенных правозащитников, особенно тех, кто в тюрьме из-за участия в движении *Woman, Life, Freedom*. Правительства также могут предлагать убежище тем, кто был вынужден покинуть Иран из-за своей правозащитной деятельности.

Суссан Тахмасеби

Суссан Тахмасеби (Sussan Tahmasebi) – ведущая правозащитница и экспертка по правам женщин из Ирана, исполнительный директор FEMENA (организации, которая продвигает гендерное равенство и поддерживает защитников прав женщин, их организации и феминистические движения на Ближнем Востоке и в Северной Африке).